

Семь заповедей будо-каратэ или японская идея на российской земле

Только воин может выстоять
на пути знания. Воин не жалуется
и ни о чем не сожалеет.

Его жизнь бесконечный вызов,
а вызовы не могут быть плохими или хорошими.

Вызовы - это просто вызовы.

Дон Хуан Матус

Каратэ каратэ рознь. Есть каратэ лишь по обличью. Оно может рядиться в традиционные или современные одежды. Однако, если связь с традицией иллюзорна, если одновременно утрачен Дух боевого искусства, если смысл бесстилевому конгломерату техник придают (как, например, в кик-боксе) лишь голые правила спортивной борьбы, каратэ теряет способность выполнять свое предназначение. За видимой активностью и накалом страстей, за суетным стремлением к превосходству и первенству прячется бездуховность, отсекающая возможность вовлечения человека на путь эволюции. Такое каратэ в точном смысле слова можно назвать Беспутным.

Но есть подлинное каратэ — сокровище Традиции. Оно рождается и перерождается с каждым учителем-подвижником, живет, обретая неповторимые стиливые черты, и становится достоянием людей благодаря школам. В сущности, подлинное каратэ не умирает, ибо в нем — присутствие вечного Духа боевого искусства. Это и делает его сопричастным духовно-нравственному совершенствованию рода человеческого. Подлинное каратэ олицетворяет Путь, превращая жизнь отважившегося вступить на него в непрерывное испытание и поиск.

В подлинном каратэ мощь боевого искусства и его духовность взаимосвязаны как силы инь и ян, которые запечатлены в известном восточном символе. Их Гармония — цель всех великих мастеров и наставников. Тем же стремлением жил, создавая Школу Кекусинкай, Масутацу Ояма — если видеть в нем человека "не званого, а избранного". Ведь триумф Оямы объясняется не только успешным новым стиливым синтезом, приумножившим мощь каратэ. Славой "сильнейшего каратэ" Кекусинкай обязано прежде всего возрождению духовности традиционного боевого искусства.

Импульсом для подобной реформы каратэ послужил мистический опыт самого Оямы. Длительное отшельничество, физическое и нравственное очищение через всепоглощающие тренировки и самозабвенный духовный поиск завершились озарениями мастера, превратив его в наставника. Осмысление Оямой своего опыта, воссоединившего его с традицией, воплотилось в идее Будо-каратэ — ключевой в концепции Кекусинкай. Именно она была призвана стать не материальной, а подлинно духовной силой, объединяя всех "искателей Абсолютной Истины" на пути боевого искусства.

Однако произошло это не сразу, ибо "нет пророка в своем отечестве". Для проповеди идеи Будо и духовной мощи каратэ Ояме потребовалось вначале завоевать Запад. Его сенсационные выступления в США с показательными боями и ошеломляющими тамэсивари принесли основателю Кекусинкай и новому боевому стилю шумную известность — в конечном счете и в Японии. Однако на первых порах проповедь Оямы не была услышана. Вероятно, сама стереотипная форма шоу-демонстраций срабатывала как банальная пропаганда и реклама лишь необычайной разрушительной силы каратэ. Ояма

жаловался, что на Западе, несмотря на его стремление убедить в присутствии Духа Будо-каратэ, публика воспринимала преимущественно внешнюю сторону.

Сколь бы неожиданным для Оямы ни было такое искаженное восприятие, оно было закономерным. Ведь Ояме пришлось иметь дело с могущественной и хорошо отлаженной машиной коммерческой пропаганды. А это не прошло бесследно и для него самого. Если горное отшельничество вырвало Ояму из уголовной среды (куда он был ввергнут судьбой после поражения Японии во Второй мировой войне), то столь глубокое погружение в мир бизнеса и испытание славой внесли нарастающую дисгармонию в его последующую жизнь. Для сильной, но амбициозной натуры мастера это оказалось медленно действующим ядом.

В своих книгах и публичных выступлениях Ояма до сих пор несет знамя Будо-каратэ, но реальная подоплека официальных деклараций вырывает это знамя из его рук. Все более явно каратэ, которое, по словам Оямы, "не имеет коммерческой ценности", становится для Хонбу источником сомнительного бизнеса. А прежнюю самоотверженность духовного поиска у основателя Кекусинкай постепенно вытесняет мания величия. Приближенные ученики начинают распознавать у Оямы с годами усиливающуюся склонность к самообожествлению. Да и для других любителей каратэ Кекусинкай это перестает быть секретом. Уже рекламный фильм о Втором чемпионате мира получил многозначительное название "Рука господня". А "явление" Оямы зрителям в ходе показательных выступлений на Пятом чемпионате мира уже откровенно сопровождалось провозглашением: "С нами бог!"

Подобные наклонности выдающегося мастера опасны для него как живого существа, но еще опасней они для других живых существ, которые из его рук и уст перенимают идеологию Будо-каратэ, рискуя приумножить те искажения, которые определяются деяниями наставника. Вот почему так опасно отождествлять идею и ее носителя, знамя и знаменосца, Ояму-символ и Ояму-человека. Об этом приходится постоянно помнить. Но сейчас хотелось бы разобраться в том самоценном, истинном и общезначимом, что несет в себе идея Будо-каратэ. Сделать это я намерен, сосредоточившись на самом простом (в смысле доступности) и самом доступном (в смысле известности) — на клятве додзе. Она-то и содержит ядро концепции Будо-каратэ — семь заповедей Кекусинкай.

Клятва додзе или присяга зала, который в Японии почитают как "место, где ищут путь", не только документ исторический и официальный (он утвержден Хонбу в середине 60-х годов при создании Международной организации). Это знамя духовности Будо-каратэ, некогда поднятое Масутацу Оямой, ключ к идеологии и философии Пути Кекусинкай. Но для нас это еще "окно" в культуру Востока, традицию боевых искусств. "Окно" это, впрочем, не распахнуто настежь. Более того, его еще надо отыскать в стене того взаимного непонимания, которое продолжает разделять Восток и Запад. Но, даже обнаружив "окно" и заглянув в таинственный мир иной культурной традиции, необходимо еще превозмочь сложившиеся стереотипы восприятия и открыть свое сознание.

Верится, что ареал российской духовности в этом отношении богат. Наша земля многие века служила не только рубежом Востока и Запада. На ней постоянно шел процесс синтеза разных культурных традиций. К тому же Россию всегда отличало высокое напряжение духовно-нравственного поиска как в западном, так и в восточном направлениях. Обращение к семи заповедям клятвы додзе — это своего рода фокус грандиозной проблемы, проблемы жизни японской (шире — восточной) идеи на российской земле. Речь не идет о ее решении. Все, что я могу сделать, — это всколыхнуть то духовное пространство, которое образуется во взаимодействии столь несхожих, но и не

чуждых друг другу культурных традиций. И еще — помочь настроиться на восприятие излучаемых при этом вибраций.

Зададимся вопросом: "Возможна ли вообще полноценная жизнь японской идеи в России?" Согласно восточной аксиоме, природа мастерства в боевом искусстве определяется триединством: гармонией тела, техники и духа. Что мы воспринимаем и перенимаем, приобщаясь к японскому боевому искусству? Дух? Стоит ли вытеснять прославленный русский боевой дух чужеродным духом японских самураев или быть может, привлекательным, но непонятным духом дзэна? Да и возможно ли это, даже если захотеть? Дух формирует тело. Известно, что тела восточных и западных атлетов из-за существования систем боевой подготовки с разным духовным фундаментом и содержанием приобретают существенные отличия как в строении, так и в функциональном отношении. А нужно ли совершать насилие над своими телами, перековывая их в горниле иной духовности? Остается техника. Казалось бы, именно ее можно заимствовать беспрепятственно. Не об этом ли шутовское высказывание: "Хидза-гэри — он и в Африке хидза-гэри, только африканский".

На самом деле проблема не так проста, как может показаться. Своя правда есть и в утверждении, и в поговорке. Конечно, техника — наиболее автономный компонент триады "тело-техника-дух". Но она все же обнаруживает очевидную зависимость от тела и не столь явную, но существенную связь с духовной стороной боевой подготовки. Разве не показалось бы противоестественным, если бы наш былинный богатырь или западноевропейский рыцарь вели бой в китайских стилях аиста, богомола или уточки-мандаринки? Очевидно, что и телесная основа, и структура движений у европейских воинов отличается от того, что демонстрируют нам мастера у-шу.

Это не значит, что приемы восточной борьбы в принципе не могут быть освоены на западной либо на российской почве. Взаимообогащение боевого арсенала происходило и во времена крестовых походов, и в период татаро-монгольского нашествия. Наглядно подтверждается это и историей каратэ Кекусинкай. Стиль Кекусинкай, по сути, наиболее "китайский" из японских стилей. Однако по своему силовому, активно наступательному характеру он оказался значительно ближе к западным атлетическим видам борьбы. Решающим фактором здесь, вероятно, оказались физические данные Масутацу Оямы. Примечательно, что техника Кекусинкай не только с поразительной легкостью была освоена на разных континентах, но овладевшие ею сильные и рослые европейцы, американцы, африканцы получили заметное преимущество над японцами. Последние, надо отдать должное, проявили завидную гибкость и приспособили для повышения физической кондиции методы западного атлетизма.

Итак, внешнее сходство стиля и техники Кекусинкай во всем мире очевидно. Но в чем коренятся отличия японской, европейской или, скажем, русской манеры выполнения одних и тех же приемов? Некоторые из них видны невооруженным глазом. Так, японцев отличает верность "школе", канону, замечательная выучка, собранность и экономность в использовании арсенала техник. Европейские мастера также демонстрируют отличную "школу", но их манера ведения боя более свободна и разнообразна. Российскую школу в настоящее время характеризует, пожалуй, наименьшая зависимость от технико-стилевых канонов и формирование у признанных мастеров самобытных манер ведения боя. Это тот видимый контекст, который определяет форму выполнения определенных приемов. Однако есть и такие отличия, которые, хотя и безошибочно схватываются при непосредственном наблюдении, поддаются объяснению довольно трудно. Ибо происходят эти отличия из постоянно ускользающих от рационального анализа

тончайших особенностей, лежащих в духовной сфере. В нее и хотелось бы немного углубиться.

Идея Будо-каратэ привлекательна для тех, кто не ограничивает боевое искусство спортом и кому дороги высокие идеалы старых мастеров. Для них, как известно, в спорте остается не так уж много места. Ведь спорт, особенно профессиональный, подчиняется совершенно иным законам — законам коммерции и бизнеса. Искреннее служение идее Будо-каратэ дает шанс на сохранение некоего оазиса духовности, который зеленеет благодаря неиссякающим родникам культурной традиции Востока. Но возможно ли обрести в этом оазисе гармонию через практику "дзэнских видов борьбы", если мы не в состоянии переродиться в японцев или китайцев? Недостаточно ведь принять восточные формы поведения, этикет, ритуал, если восточный менталитет остается непостижимым, а связанные с ним виды деятельности могут оказаться неприемлемыми.

Вспоминаю эпизод из некогда нашумевшего у нас японского фильма "Леди каратэ" — одного из первых фильмов о боевых искусствах. Находясь в баре, героиня, мастерски владеющая приемами каратэ, начинает поединок с бандитом с того, что палочками для еды мгновенно ловит на лету муху и засовывает ему в рот. Случаен ли этот эпизод и как он связан с боевыми искусствами? Не случаен и связан глубочайшим образом. Как-то один из друзей поведал о своем изумлении, когда увидел в зоопарке обезьяну, занятую ловлей мух. По его словам, она делала это неторопливо и естественно, будто собирала мух в воздухе. Тут же вспомнилась древнекитайская (даосская) притча о ловце цикад. Образное описание его движений в точности повторяло названные действия обезьяны! В притче мастерство ловца цикад служило знаком не просто совершенства во владении техникой ловли подвижных насекомых. Это был символ той гармонии тела, техники и духа, к которой стремились все восточные мастера, в том числе боевых искусств.

В восточных источниках неоднократно встречаются указания на то, что мастера "дзэнских видов борьбы" уделяли практике, подобной ловле мух палочками для еды, самое серьезное внимание. Живым свидетелем такого искусства был Масутацу Ояма. Им владел один из его учителей, известный мастер Есида. Он мог ловить мух даже в середине лета, когда насекомые особенно подвижны. Ояма пишет, что Есида детально изучал повадки и методы полета мух, упражнялся вначале на пчелах и больших мухах, привязанных к столбу куском нити, а сам прием отрабатывал около 300000 раз.

За этим — весь восточный менталитет и специфический подход к мастерству. Главной заботой является совершенствование и освобождение духа, сознания, что сочетается с необычайной целеустремленностью и долготерпением. В их основе — изучение природных закономерностей и пробуждение собственных природных сил через упорную и длительную тренировку. В обретении подлинного мастерства главенство духа над телесно-технической стороной является на Востоке аксиомой. Поэтому любая деятельность и любые действия — будь то перебирание риса дзэнскими монахами или ковка меча, упражнения каллиграфа или отработка боевых приемов, занятия каратэ или ловля мух палочками для еды — рассматриваются в духовном измерении. При всем том, пожалуй, нигде, как на Востоке, не упускается из виду прикладная, утилитарная сторона. В противном случае гармония тела, техники и духа оставалась бы недостижимым идеалом, а каратэ, которое нас интересует, утратило бы ценность как боевое искусство.

Так что же, высокая духовность свойственна только мастерам Востока? Не является ли она, как и идеал гармонии, общечеловеческим мерилем совершенства? Конечно, является. И в древней Элладѣ, и в средневековой Европе, и на Руси существовала своя духовная традиция, в том числе в среде профессиональных воинов. Были у нас и воины-монахи,

такие, как прославленные Пересвет и Ослябя — послушники и охранники преподобного Сергия Радонежского. Но не похоже, чтобы они обретали мастерство и гармонию, занимаясь ловлей мух палочками для еды. Да, законы духовно-нравственной эволюции человека и овладения подлинным мастерством обнаруживают общий характер. Однако в разных культурных, национальных и религиозных ареалах складывается свой уникальный менталитет, формируется свое особым образом организованное сознание, что и накладывает неповторимый отпечаток на все виды деятельности. Вот почему даже один и тот же хидза-гэри в Японии — японский, в Африке — африканский, а в России — российский. Разве это является препятствием для изучения каратэ Кекусинкай, освоения духовного наследия Востока во всем мире? Будто бы нет. Однако в душе могут поселиться сомнения и опасения, если мы пойдем глубже — в таинственную область бессознательного, которая была и остается в центре внимания как восточных так и западных эзотерических течений и учений.

Согласно одной из современных эзотерических концепций, каждая раса, нация, духовная и религиозная общность имеет свой духовно-энергетический потенциал, или поле-эгрегор. Каждая, естественно, укрепляется за счет пополнения своих духовно-энергетических ресурсов путем "перекачки" энергии. Достигается это в том числе через явную и тайную идеологическую экспансию. Открытое воздействие на сознание людей осуществляется через проповедь религиозно-философских идей и учений. Подспудное, но мощное воздействие на подсознание — через ритуал и символику.

В свете этой концепции может быть переосмыслена деятельность христианских миссионеров в американских, африканских и азиатских колониях, а также современное вторжение западно-христианских и восточных религиозных сект и движений на российскую землю. Подобная экспансия привычно измеряется материально-экономическим аршином, однако глубинный ее смысл видится в энергетической "подкачке" соответствующего эгрегора, что ведет к реальному усилению определенной расы, нации, религиозной общности. Так, стремительный взлет нацистской Германии объясняется не только интересами и финансовой поддержкой крупного капитала. Едва ли не решающую роль сыграла мощная идеологическая обработка сознания народа и, что особенно примечательно, планомерное и широкомасштабное воздействие на его подсознание. Достигалось это путем массового внедрения в обиход нацистской символики, в которой, кстати, эксплуатировались намеренно деформированные и нагруженные чуждыми смыслами восточные символы. Грандиозные факельные шествия в форме фашистской свастики, помимо внешней демонстрации идейного единства нации, служили формой массовых коллективных медитаций, которые и обеспечивали эгрегору третьего рейха мощную энергетическую подпитку. Уж не так ли обстоит дело с индийской йогой, китайским у-шу, корейским тхэквондо или японским каратэ, в том числе с Кекусин Будо-каратэ?

Можно ли однозначно ответить на подобный вопрос, если не только взаимодействие разных культур, но и каждая отдельная национальная и культурная традиция и, более того, каждый человек становятся полем брани Добра и Зла? В конечном счете именно человек делает выбор. Ему не к лицу предвзятое враждебное отношение к инакомыслию, непривычным идеям, верованиям, обрядам, стилю жизни. Ведь это может закрыть двери души для Добра. Но ему не следует и терять бдительность. Ведь Зло коварно — зачастую благообразно и потому обманчиво. Не без оснований, например, сихан Стив Арнейл, на личном опыте убедившийся в неискренности основателя Кекусинкай, в своей школе исключил клятву додзэ из обихода. Он полагает, что в нынешней ситуации и клятва, и вся идеология Будо-каратэ становятся орудием спекуляций, предметом ложных толкований и источником зла.

На подобные предположения, например, действительно наталкивает трактовка Оямой идеи и духа "Осу". Сихан Стив Арнейл пояснил, что "Осу" — изначально распространенная в низших слоях японского общества форма приветствия (нечто вроде "привет", "хэлло", "чао"). В идеологии Кекусинкай она приобрела дополнительную смысловую нагрузку. Ныне это символ непоколебимого духа, выросшего из безграничного терпения и беспрекословного послушания старшим в иерархии школы.

Из собственного опыта занятий по традиционной японской системе и соблюдения этикета додзе мы знаем, что дух "Осу" открывает необъятные духовно-энергетические ресурсы. Собственно, вся восточная система обучения (в том числе в боевых искусствах) базируется не столько на рациональном объяснении, сколько на стимуляции у учеников скрытых до поры до времени резервов восприятия. Они-то и позволяют усваивать знания, передаваемые учителем зачастую в бессловесной форме. Здесь прямая связь с природой восточного менталитета и "дзэнских видов борьбы". Но одно дело ситуация обучения, где заимствованная модель срабатывает наиболее эффективным образом. Другое дело, когда дух "Осу" выходит за пределы зала. Он либо вступает в конфликт с иной ментальностью, либо начинает ее изменять. Тогда он становится средством тотального духовного подчинения и порабощения всех приверженцев Будо-каратэ, конечно если они одурманены слепым фанатизмом и не готовы еще отличать ложь от истины. Способность иных людей устанавливать такие отличия и их сопротивление духовному давлению становится глубинной причиной идейных конфликтов. То там, то здесь они вспыхивают в империи Кекусинкай, единство которой зиждется на духе "Осу".

Противоречивые влияния духа "Осу" наблюдаются в России. С одной стороны, этот дух сплотил всех приверженцев каратэ Кекусинкай вначале в сильную школу, а затем и в сильную организацию.

Но, с другой стороны, возникает тревога, что объединение элементов японского и не уступающего ему русского фанатизма создают особо опасную гремучую смесь. Взять, казалось бы, безобидную моду у наших бойцов на коротко стриженные и бритые головы. Одно дело, если это просто кому-то нравится или спортсмен руководствуется гигиеническими соображениями. Что плохого? Другое дело, когда за этим — некая идея, средство социального обособления. Что за идея и какого рода обособление?

Известно, что в разных религиях монашеский постриг и бритье голов были символом преодоления своего "эго", духовного смирения и послушания той божественной силе, которая вела человека по пути духовно-нравственной эволюции. Но есть и другой опыт, за которым стоит либо стремление власть имущих управлять безликой массой, либо фанатично-добровольное принятие людьми подобных правил, установленных высокими авторитетами и иерархами. Этот опыт простирается от бритых голов солдат и заключенных до кодирования и создания людей-роботов типа манкуртов или зомби, Истоком "моды" на бритые и коротко стриженные головы в школе Оямы, как известно, является дух "Осу". А у наших "солдат каратэ"? Над этим стоит поразмыслить.

Как в связи с этим понимать высказывание Оямы, что за отличиями в сфере духовного, которые определяются расовыми, национальными и религиозными особенностями, есть нечто единое — дух Кекусинкай? Что это? Указание на общечеловеческую духовную ценность идеи Будо-каратэ? Или коварная подготовка идей, "идеологическая диверсия" с целью осуществить во всемирном масштабе духовно-энергетический "вампиризм"? Такие вопросы закономерны и достойны внимания. Но даже независимо от реального положения вещей конечный результат будет зависеть от каждого человека, его собственного отношения и выбора. На Востоке это поняли очень давно. Древние мудрецы

утверждали, что искренний человек даже ложное учение может сделать истинным, равно как неискренний человек способен истинное учение сделать ложным. Чтобы утвердить учение Будо-каратэ как идею Добра, нужна вера и соответствующее умонастроение. И тогда, быть может, оставаясь россиянами, мы наладим с японской традицией тот культурный и духовно-энергетический обмен, который (пусть даже вопреки неблагоприятным намерениям Токийского Хонбу) будет направлен на Эволюцию Человека.

Великие идеи приходят к великим людям как божественное озарение. Человек может измениться, нравственно опуститься, но величие идей от этого не меркнет. Солнце Истины светит всем, хотя не до всех доходят его лучи. В то же время безраздельное знание истины не может принадлежать одному, даже озаренному человеку. "Никто не мудр, кроме Бога", — говорили древние греки. Вот почему Истина обретается только через поиск, который и есть Путь. Однако, сколь бы ни совершенен был человек, которому открылась Истина, каждый ее искатель должен пройти этот путь сам. На поиск его толкает вера, а вехами на пути становятся те зерна мудрости, которые произрастают в духовной почве Традиции или высеяны на страницах священных книг. Они добыты в уникальном опыте подвижников, за ними — коллективный опыт духовной элиты человечества.

Так же и клятва додзэ... Семь заповедей Будо-каратэ нельзя воспринимать буквально, догматически, с фанатичным пристрастием. От этого предостерегает русская мудрость: "Заставь дурака Богу молиться — он и лоб разобьет". Напротив, к ним необходимо подойти с открытой душой, понимая, что это частица духовной традиции. Сколь бы малой она ни казалась — за ней целый мир. А сама она — не что иное, как эзотерическая форма выражения и передачи сокровенных знаний. Они-то и составляют цель духовно-нравственного поиска для каждого, кто не случайно вступил на путь боевого искусства.

Итак, взглянем пристальней через "самое известное и доступное" приверженцам каратэ Кекусинкай в то, что, может быть, им не столь известно или не во всем доступно.

Что же мы видим?

1. "Мы будем тренировать наши сердца и тела для достижения твердого непоколебимого духа".

Примечательно, что уже в первой заповеди со всей очевидностью выражено главенство духовного начала в занятиях каратэ. В достижении "твердого непоколебимого духа" видится главная цель, поэтому вместе с "телами" тренируются и "сердца". Дисциплина каратэ тем самым выступает средством для обретения искомой духовности, как и другие дисциплины в семействе боевых искусств

Понятие "твердый непоколебимый дух" можно было бы считать общезначимым, поскольку суть его сохраняется при характеристике воинов в разных национальных и культурных традициях. Однако в клятве додзэ подразумевается особое состояние духа, сознания, достижение которого было целью военного сословия самураев и тесно сплеталось с целями философии дзэна.

Как бы ни относиться к Бусидо, пути воинов-самураев, нельзя не признать, что идеология этого самого многочисленного в Японии сословия в наши дни стала символом и основой духовного возрождения нации. Об этом откровенно заявляют сами японцы, например, Минуру Танака, осуществивший перевод на английский язык знаменитой "Хагакурэ" ("Спрятанное за листьями"). Ее автор Цунетомо Ямамото (1659—1719), член могущественного клана Набэсима, запретил публиковать книгу (Ямамото прекрасно сознавал ее радикализм, неприемлемый для мирного времени). Однако финальная рукопись "Хагакурэ" была тайно скопирована и имела хождение среди "пробужденных самураев". Она была рассекречена благодаря публикации в 1906 г., оказав огромное влияние на военных, в том числе позже на подготовку солдат-смертников (камикадзе). Недаром "Хагакурэ" расценивалась противником как "идеологический военный преступник". Однако японская нация возродилась вместе с "Хагакурэ", сохранив в общественных структурах модель самурайского клана. Танака откровенно пишет, что современные японские бизнесмены — это те же "самураи", а компании — "кланы". Каждый из них возглавляется "господином", долг служения которому является высшим в кодексе самурайской чести. Добавлю, что модель клана лежит и в основе японской мафии (Якудза).

Что же говорить тогда о боевых искусствах, о Будо-каратэ, возрождение которого связано с именем Масутацу Оямы? Ясно, что система подготовки бойцов опирается на Бусидо. Вспомним, что толчком для духовно-нравственного поиска Оямы послужила биография знаменитого самурая Миямото Мусаси. Ояма неоднократно ссылается и на "Хагакурэ". Кстати, он готовился стать камикадзе, но не успел — война окончилась. Ныне в своей (международной) организации Ояма выступает как "господин", глава "клана", естественно требуя от членов "клана" беспрекословного подчинения и верного служения. Его приближенных учеников называют не иначе как "самураями XX века".

"Твердый непоколебимый дух" Бусидо не без оснований ассоциируется с "японским милитаризмом". Однако это еще и дух мирного дзэна, который вносил гармонизирующую струю в повседневную жизнь воинов, придавая ей особую мотивацию и смысл. Делая упор на самопознании, на обретении воином гармонии со всем сущим, дзэн превращал путь самурая в путь духовно-нравственного совершенствования. Однако каждый воин, следующий этим путем, волен был привносить свое понимание сущности Бусидо.

Цунетомо Ямамото, удалившийся под конец жизни (после смерти господина) в горы и создавший там "Хагакурэ", во время бесед со своим другом и учеником Цурамото. Тасиро определенно проникся дзэнскими настроениями и мироощущением. Об этом — изумительные хайку, которые сочинили друг для друга самураи при встрече в горах 5 марта 1710 г.:

"Как далеко
От изменчивого мира
Эти горные вишни!"

(Цунетомо Ямамото)

"Под белым облаком
Я только что встретился
С цветком"

(Цурамото Тасиро)

Однако и в мирной жизни Ямамото оставался воином, считая, что для самурая "нет необходимости искать другую тропу", кроме Бусидо. Бусидо для самурая вмещает все иные сферы духовности, преломляя их в соей призме". Поймите, что китайские иероглифы для обозначения буддизма и Бусидо в основном схожи — в том, что "до" означает "путь" (...). Если вы взглянете на Бусидо после изучения Конфуция и буддизма, Бусидо может показаться совершенно необъяснимым. Но если вы сначала узнаете путь Бусидо и будете иметь в сознании его перспективу, то вы сможете более успешно овладеть другими путями.

И действительно, Бусидо на своей особой тропе — "тропе войны" — решает те же задачи, что и дзэн. Это задачи самопознания и самоопределения. Автор "Хагакурэ" приводит высказывание Хиого Наритомы: "Победить — значит преодолеть самого себя. Чтобы победить, вы сами должны победить себя. Победить себя, значить победить тело духом. Пока вы не будете тренировать свой дух и тело каждый день до тех пор, пока с вами не сравнится никто из десятков тысяч самураев, для вас будет невозможным побеждать врагов". Здесь мы без труда можем узнать первую заповедь клятвы додзэ, равно как и лучше понять самурайскую природу максимализма Масутацу Оямы.

Главенство духовности в Бусидо и в первой заповеди клятвы выражается не только в провозглашении основной для воина цели — достижения "твердого непоколебимого духа". Важна та духовная мотивация, которая готовит сознание к обретению стойкого боевого духа, способного вытеснить естественный для каждого живого существа биологический страх смерти и те проявления инстинкта самосохранения, которые мешают исполнить воинский долг. Идеология Бусидо и практика воспитания японских самураев в этом отношении не только специфичны, но во многом уникальны.

Механизм преодоления страха смерти в разных культурных традициях и даже социальных группах может иметь разные пусковые пружины. Страх смерти порой всецело вытесняется страстной жадой жизни, стремлением к подвигу во имя святого дела, чувством долга, желанием личной славы, богатства... Кто-то проявляет безрассудную храбрость, полагаясь на судьбу, на "авось", на убеждение, что "двум смертям не бывать, а одной не миновать". Другой призывает на помощь рациональный, "философский" подход: "Ее ли мы есть — смерти нет, если смерть есть — нас нет". Известны искусственные приемы вытеснения страха смерти галлюциногенными, адаптогенными и наркотическими препаратами. Сюда можно отнести использование скандинавскими берсерками настойки из мухоморов, приводившей их в неистовое бешенство, более умеренное принятие "ста граммов для храбрости", а также приготовленные для экстремальных ситуаций специальные препараты, которые входят в боекомплект отрядов особого назначения.

Что же лежит в основе традиционной системы подготовки японских самураев, на что прежде всего направлена идеология Бусидо? Оказывается, что "твердый непоколебимый дух" достигается через выработку у воина бесстрастного отношения к смерти. Осуществляется это путем предельной концентрации сознания самурая на собственной смерти и прочного закрепления соответствующих установок в подсознании через ритуальную практику и медитативную психотехнику.

Знаменательны в связи с этим озарения автора "Хагакурэ": "Я нашел сущность Бусидо: умереть! Другими словами, когда у вас есть выбор между жизнью и смертью, всегда выбирайте смерть: это все, что вы должны помнить. В этом нет ни беспокойства, ни трудности. Любые другие идеи не нужны и бесполезны. Если вы умираете до того, как

поразили цель, это будет собачья смерть (...). Если вы выберете жизнь и не поразите цель, вас назовут трусом (...). С другой стороны, если вы лишь выберете смерть и не сможете поразить цель, ваше тело, конечно, умрет, но на вас не падет позор. Не будет позора даже тогда, когда на вас будут смотреть как на сумасшедшего и как на умирающую собаку. В этом сущность Бусидо. Чтобы овладеть этой сущностью, вы должны умирать заново каждое утро и каждую ночь. Если вы постоянно сохраняется состояние смерти в повседневной жизни, вы поймете сущность Бусидо и достигнете свободы Бусидо".

Цунетомо Ямамото не раз возвращается к этой идее, ссылаясь на предшественников и личный опыт. Он цитирует высказывание: "Как только вы выходите из-под карниза дома, вы в сердцевине смерти. Как только вы выходите из ворот, вы встречаетесь с врагами". И разъясняет: "Это не просто предостережение, а испытание смерти заранее". Подобное "испытание смерти заранее" сохраняется в сознании и вытесняется в подсознание, воплощаясь в сновидениях: "Сны — это честное выражение вашего внутреннего "Я". Мне часто снилось сражение насмерть и харакири. Когда я постепенно привык к этим снам и освоился с ними, мои чувства (в снах) изменились, и теперь они протекают гораздо легче".

Утверждая беспочвенность страдания, автор "Хагакурэ" заявляет: "Что касается пути смерти, то, если вы предварительно узнаете, как умирать, вы можете умирать с легким сердцем". Та же мысль — как результат дзэнского озарения: "Вот мой урок у проливного дождя: по пути домой вы попадаете под дождь. Вы не желаете промокнуть, поэтому спешите по улицам, пробегая, под карнизами домов, но все равно вы промокли. Как только вы поймете, что промокли, вы не будете страдать от того, что промокли".

Как известно, самураи не только рассуждали и размышляли о смерти. Детей самураев "знакомили" со смертью очень рано. Опытные наставники отрабатывали с ними различные ритуальные приемы совершения обряда сэппуку (харакири). Одно время в воинскую подготовку подростков даже входило совершение казней преступников (отсечение головы самурайским мечом). Однако за всем этим не только воспитание профессиональной готовности воина "работать под кровавым дождем" и достойно (даже "красиво") уходить при необходимости из жизни. Как и в европейской (языческой и христианской) традиции, принцип *memento mori*, т. е. "помни о смерти", рассматривался еще и как толчок к духовному освобождению. Сбрасывание самураем оков "эго", цепляющегося за жизнь (как и в других религиях), открывало сознание к восприятию некой высшей духовной реальности. Недаром традиция боевых искусств хранит не только примеры беззаветного служения воинов и исполнения ими самурайского долга в соответствии с кодексом Бусидо.

Уходя из жизни ритуальным способом или естественным образом, знаменитые самураи оставляли потомкам хайку — предсмертные завещания. В них — отблеск дзэнских озарений с неповторимым и невыразимым вкусом гармонии человека, и мира, столь, казалось бы, далекого от повседневных насилия и страданий, с которыми сопряжен ратный труд. Одно из таких хайку принадлежит выдающемуся мастеру меча, каллиграфу и философу дзэна Тэссю Ямаоке. Несмотря на рак желудка, он до самой кончины продолжал упорно тренироваться и ни в чем не позволил обнаружить страдания. Вот последний след на пути его самопознания:

Напрягаю свой живот
Против боли.
Птицы на рассвете.

Что бы там ни было, в Бусидо и дзэне есть то достойное, чему не совестно следовать. Помимо привлекательных (общезначимых) духовно-нравственных принципов и идеалов, в традиции боевых искусств есть еще огромная область практически ценного опыта и знаний. Поистине чудесным плодом союза искусств Будо и дзэна стало совершенное управление сознанием и психикой. Об этом — следующая заповедь клятвы додзэ.

2. "Мы будем твердо следовать истинному смыслу воинского пути, чтобы наши чувства все время были наготове".

Самурайскую постоянную готовность к смерти не следует понимать таким образом, что воин не только ждет смерти, но и стремится к ней. Он все-таки не монах, а воин, который должен быть способен "поразить цель", т. е. быть готовым бороться и побеждать. Идеальная гармония "Бу" и "до" — в их динамичном равновесии. Автор "Хагакурэ" решительно выступает против того, чтобы отвлекать молодых самураев от кодекса Бусидо поучениями из буддизма или конфуцианства. По его убеждению, это могут позволить себе пожилые воины, ушедшие со службы, как это сделал он сам. Признавая коренную связь Бусидо и буддизма в том, что они имеют отношение к путям совершенствования человека, Ямамото отдает предпочтение тому, что требует от воина его профессия и долг.

Вот почему, вдумываясь в слова второй заповеди клятвы додзэ, важно учитывать, что "истинный смысл воинского пути" может пониматься двояко. Когда акцент делается на "Пуши" (До), то конечно же, цель видится в духовно-нравственном совершении человека. Когда же подчеркивается понятие "Воинский" (Бу), то совершенство воина предстает как искусство побеждать через овладение "духом победителя". Как говорит Ямамото, "побеждать всегда — значит побеждать первым". Но и конечные, и ближайшие цели "воинского пути", т. е. Будо, в его гармонии, требуют все же дисциплины и твердости, повседневной и упорной тренировки. Именно здесь исток той особой обостренности чувств, которая возникает у воина на грани жизни и смерти.

Тренировки самураев воссоздавали множество конкретных ситуаций и условий, к которым воин должен быть готовым. Но быстротекущую жизнь и постоянно меняющуюся боевую обстановку невозможно вместить в типовые ситуации. Да, именно на Востоке уделялось огромное внимание воинскому искусству, создавались знаменитые трактаты (такие, как "Сунь цзы"). Но искусство и полководца, и простого воина состояло в том, чтобы, опираясь на знания и выучку, быть способным действовать по обстоятельствам. Если даже профессиональная выучка превосходна, но "привязана" к типовым ситуациям, то сознание воина может "заstopориться" на чем-то неожиданном, и драгоценное время будет утеряно. А на войне, как известно, промедление смерти подобно.

Вот здесь-то неоценимым подспорьем для воинской подготовки и оказался дзэн. Он привнес в традицию боевых искусств Востока не только одухотворенность и нравственные ценности, но также и особый менталитет. Практически бесценным приобретением стала сложившаяся благодаря дзэну система психологической подготовки воинов и воспитания "твердого непоколебимого духа". Дзэн пошел гораздо дальше морального кодекса и идеологии, обращенных к сознанию. Используя уникальную в

боевых искусствах возможность испытания человека на грани жизни и смерти, где открываются неисчерпаемые ресурсы психики, дзэн сделал упор на активизацию сферы бессознательного.

Благодаря дзэнской психотехнике воин учился управлять переходом в измененные состояния сознания, обретая искомое "пустое" сознание, которое уже не задерживалось ни на чем конкретно и было готово ко всему. Отсюда японская поговорка: "Истинно готов тот, кто кажется ни к чему не готовым", сознание мастера (в совершенстве овладевшего техникой) идеально верно (спонтанно) отражает все происходящее, что позволяет действовать без малейшего промедления и наиболее эффективно. При этом ситуация и степень опасности оценивается неискаженно. А это чрезвычайно важно для того, чтобы действие воина имело "гармонизирующую" направленность, т. е. в конечном счете не противоречило высоким моральным принципам.

По существу, речь здесь идет о бессознательном ощущении "предела необходимой обороны". Если воин не в состоянии отличить прикосновение дружеской руки от агрессивного движения врага и дает выход своим животным инстинктам, используя боевую выручку, то невинный человек может стать его жертвой. Тем самым "гармония" их отношений будет разрушена, моральная заповедь попрана и карма воина будет отягчена грехом — пролитием невинной крови. Такой воин не может называться Мастером боевого искусства. Настоящий мастер в "дзэнских видах борьбы" действует бессознательно, при этом не нарушая моральных принципов, а стихийно восстанавливая природную "гармонию и справедливость", К этому еще придется вернуться...

Именно достижение "дзэнской готовности" через обретение "пустого" сознания и является важнейшей практической целью Будо-каратэ, как и любого другого дзэнского вида борьбы. Недаром Ояма настаивает на необходимости опыта опасных боев, проводимых на грани жизни и смерти. Такой бой понимается как своеобразный ритуал, имеющий целью прорыв в искомое состояние сознания, которое есть не что иное, как состояние активной медитации. Нелишне напомнить, что именно опытом переживания подобных состояний боевые искусства обогатили дзэн. Взрывное вхождение в состояние активной медитации достигается в Будо-каратэ, например, через тамэсивари. Сродни ему мгновенные выходы в боевую стойку с боевым кличем "КИАЙ". Да и вообще весь процесс традиционной тренировки в каратэ и его канонизированные формы (кихон, ката) должны мыслиться (и постепенно становиться) процессом активной медитации. Это и есть свойственный именно боевому искусству путь обретения "пустого" сознания и той совершенной "готовности чувств", которая подразумевается в заповеди клятвы додзэ.

Однако для того, чтобы процесс традиционной организованной тренировки в Будо-каратэ стал таким, каким он должен быть, необходимо соблюсти главное требование. Он должен быть Одухотворенным, а значит, Самозабвенным, Именно об этом — следующая заповедь присяги.

3. "С истинным рвением мы будем стремиться культивировать дух самоотрицания".

То, что занятия боевым искусством требуют "истинного рвений" и целеустремленности, очевидно. Должно быть ясным и то, почему в гармонизации тела, техники и духа ведущим является духовное начало. Что же такое "дух самоотрицания" и почему его "культивирование" становится обязательным и наиважнейшим в подготовке мастера боевого искусства? "Дух самоотрицания" — фундаментальная идея в любых концепциях духовно-нравственного совершенствования человека. Во всех религиях эгоизм рассматривается как главное препятствие на пути. Готовность к Освобождению от его оков понимается как первичное условие вступления на путь истинный.

Борьба с самим собой составляет суть духовной эволюции человека, равно как победа над собой является ее конечной целью.

Проявления "духа самоотрицания" мы видим в таких христианских заповедях, как "возлюби ближнего своего, как самого себя", "не укради", в йоговских принципах ненасилия или отказа от даров, С отказом от эгоизма во всех религиях связываются представления о святости. В дзэне из ипостасей "духа самоотрицания" оказывается психологическое "слияние" субъекта и объекта, "отождествление" человека со всем сущим. Одним из знаков на данном пути является обретение "пустого" сознания, ибо оно становится источником вдохновения, малых и больших озарений. В боевом искусстве— это первопричина спонтанных реакций, наибольшей эффективности любых действий.

Однако вступающий на путь несовершенен. А путь боевого искусства наиболее опасен. Духовное и нравственное убожество занимающихся боевыми искусствами может обернуться страданиями и даже гибелью окружающих. Уклонившегося от праведного пути ждет духовное саморазрушение. Разве в повседневной жизни мы не видим, как гибнут наши талантливые бойцы, изменяя своему призванию, делу, совести и чести, уступая соблазнам "красивой" жизни и искушению силой завоевать власть над людьми?

Эта опасность существовала и существует. На Востоке к ней относились с повышенной бдительностью. В традиции боевых искусств накоплен огромный опыт в том, чтобы воспитывать учеников, регулировать их поведение в обществе, делая его социально приемлемым и безопасным. Несть числа морализирующих историй и философским притчам, где ученик, нарушивший нормы морали и чести, несет тяжелое наказание и подвергается суровым испытаниям. Обычно, однако, он "прозревает", становится на путь истинный и делается самым страстным поборником духовно-нравственных принципов боевого искусства. Один из этих принципов обозначен в следующей заповеди Будо - каратэ.

4. "Мы будем соблюдать правила этикета, уважения к старшим и воздержания от насилия".

В жизни мы не склонны "разводить китайские церемонии". Да и вообще воспитанные люди в нашем обществе воспринимаются едва ли не как анахронизм. На Востоке же, как известно, этикет и ритуал приобрели всеобъемлющий характер. Это средство, предохраняющее людей от озверения, было призвано гармонизовать общественные отношения на основе все той же самодисциплины и обуздания эгоистических наклонностей. На Востоке соблюдение правила этикета стало духовно-нравственной нормой во всех сферах жизни благодаря конфуцианству. Строгий этикет регулировал поведение самураев, распространился он и на школы боевых искусств. Правила этикета, осваиваемые в додзэ, помогали гармонизовать не только отношения между членами школы, но и их отношения с представителями других школ, со всем внешним миром. Принцип "каратэ начинается и заканчивается поклоном" стал визитной карточкой боевого искусства, понимаемого как путь совершенствования человека. Однако его не следует понимать формально. За поклоном в дзэне и в "дзэнских видах борьбы" скрыта духовная практика, наполненная смыслом религиозного очищения и умиротворения.

Оборотной стороной ритуализованности восточного общества и подчинения правилам этикета является его иерархичность, выраженная в Лестнице старшинства. В идеале социальная и профессиональная иерархия должна была обеспечить то, что греки называли "аристократией", т. е. "власть лучших". "Старшинство" — не только возрастной показатель, хотя умудренность жизнью вовсе не сбрасывалась со счетов. Это знак духовной зрелости, способности вести за собой по истинному пути. От "старших" исходит наставничество, передача традиции, знаний, искусства. Поэтому принцип "уважения к старшим" в заповеди клятвы додзэ предполагает самое широкое толкование. В нем заложена возможность перехода от формального, неосмысленного соблюдения соответствующих правил уважения к "старшим по положению" (что может быть чрезвычайно опасным) до уважения к "старшим по достоинству", которое было бы исполнено самого искреннего чувства. В таком уважении нет места раболепию. Это символ обретенной свободы и гармонии.

Что касается гармонии, то она противится насилию. "Воздержание от насилия" лежит в основе и конфуцианства и буддизма. Почему же дзэн соединился с боевыми искусствами, если насилие коренится в самой природе боевых действий? Все дело в том, что проблема ненасилия решается здесь особым образом — не только на социальном и личностном уровне, но и на уровне сверхличностном. Только там, где происходит полное психологическое слияние воина с противником и отождествление с опасной ситуацией, где происходит переход в состояние "пустого" сознания, и находит объяснение "непреднамеренное" насилие, как в полном смысле слова "ненасилие". Это объяснение сродни общему даосскому принципу "недеяния", который подразумевает вовсе не отсутствие действий, а только то, что действия человека не мешают действию природных законов.

Дзэнское представление о "ненасилии" означает в идеале, что в ситуации самозащиты, когда неожиданное нападение врага нарушает "гармонию" мастера, он, совершая

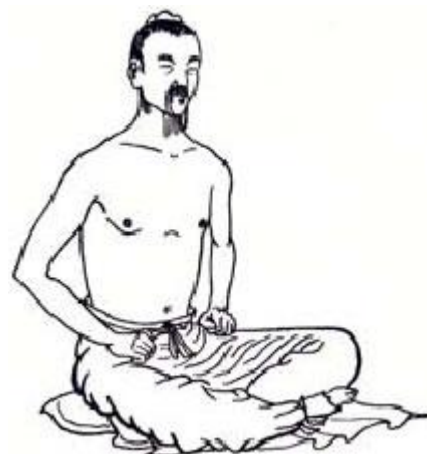
возмездие (спонтанно и в соответствии с мерой возмущения его покоя), действует без каких-либо эгоистических побуждений. Подобно "ветру, вырывающему дерево с корнем", он не совершает насилия, а просто восстанавливает "природную справедливость". Отсюда характерное для традиции боевых искусств дзэнское представление о "духовном мече" или "мече справедливости".

Вместе с тем принцип "воздержания от насилия" у воина остается связан, как уже отмечалось, еще с этикой социального поведения, неким нравственным кодексом боевых искусств. В соответствии с традиционными идеалами мастер боевого искусства является защитником обиженных и угнетенных и всегда готов также осознанно совершить справедливое возмездие, исполняя свой нравственный и патриотический долг.

Что же касается вассального долга, который для самурая был все же превыше всего, то жесткость кодекса Бусидо, а может быть, сами требования воинской профессии оказывались порой испытанием для той религиозной духовности, с которой связывалось совершенствование человека. На этой проблеме будет уместно остановиться, обращаясь к следующей заповеди клятвы додзэ.

5. "Мы будем следовать нашим богам и Будде к никогда не забудем истинную добродетель скромности".

Нетрудно догадаться, что под "нашими богами" подразумеваются вовсе не Христос или Аллах. Это боги исконно японской религии синто, которая исповедуется наряду с буддизмом. Буддизм, одухотворивший боевые искусства, оказал заметное влияние и на синто, в результате чего оба религиозных направления приобрели в Японии равноправное значение. Для самураев, в частности, стала традиционной молитва, обращенная к "богам и Будде". Именно эта традиция и была подхвачена Масутацу Оямой.

Данная заповедь столь же традиционна, как и клятва додзэ в целом. Само по себе это еще не означает, что всех приверженцев Кекусинкай японцы хотят обратить в свою веру. Ояма нередко ссылается, например, на христианские постулаты, отмечая содержащиеся в разных религиях общезначимые идеи. Следование богам синто и Будде надо скорее понимать как верность идеалам, которые несет в себе японская традиция. Это нечто вроде ритуального поклона в сторону колыбели современного каратэ. Подобный поклон вовсе не лишен смысла, ибо за этикетом проступает религиозная природа боевых искусств, понимаемых как Путь. Сама же религиозность есть универсальный принцип жизни, отвечающий целям общечеловеческой духовной Эволюции.

Религиозность в высшем смысле противится "сотворению себе кумиров". Вспомним русскую пословицу: "На Бога надейся, а сам не плошай". В терминах дзэна кумир — это лишь условная и временная персонификация божественных сил, распознавание которых служит вехами на пути самопознания. Однако привязка сознания к любой из таких вех способна застопорить продвижение на пути самопознания и единения человека с Миром. Вот почему "мастера жизни" на Востоке утверждали, что слишком много говорить о дзэне — значит "вонять дзэном", и даже призывали: "Убей Будду, убей патриарха".

В этом свете можно понять и радикализм автора "Хагакурэ", который заявляет: "Отвергайте богов, если они стоят на вашем пути". Цунетомо Ямамото ясно осознает долг и карму воина, так же как и то, что "нет необходимости искать другую тропу". Вот как он разъясняет взаимоотношения с "богами": "Я молюсь богам просто ради своей удачи, когда я работаю под кровавым дождем и прыгаю через мертвые тела. Я молюсь богам, невзирая на то, что боги не любят запятнанных кровью. Думаю, ничего не поделаешь, если они отвернутся от меня из-за того, что я запятнан кровью".

Не менее показательна история, которую Ямамото озаглавливает в парадоксальном духе дзэна "Убейте богов, если они встанут на вашем пути". Послушаем, о чем он повествует: "Сигеката Набэсима отругал своего сына. Вот что случилось: сын отправил отцу послание. Оно гласило: "Я хотел бы посетить алтарь Атаго в Киото", Слыша это, Сигеката спросил посланника: "Для какой цели?". Посланник ответил: "Атаго Гонден — бог лука и стрелы (войны), он решил помолиться Гондену за успех в военных делах". Сигеката сердито ответил: "Совершенно необязательно! Почему воин Набэсимы полагается на Атаго Гондена? Будь готов раскрыть его тело на две части и пройти между ними, если он (Гонден) выступит против нас на стороне врага".

Подобные заземленные, едва ли не "кошунственные" заявления последователей дзэна, как и последователей Бусидо, характерны для традиции Востока, где здравый смысл зачастую выступает как знак просветленного сознания. И действительно, диалог самурая с посланником можно трактовать чисто по-житейски.

Что, если враг тоже призовет молитвами себе на помощь того же бога лука и стрелы? Воин принимает единственно достойное решение — вступить в бой и победить. Но если вдуматься, такое решение — это победа прежде всего над самим собой, над сомнением в собственных силах и возможностях. Просто Бусидо проверяет человека на прочность, удостоверившись в его решимости и искренности.

Сказанное не означает, что победа над своими сомнениями в зачатке содержит гордыню и самомнение. Пожалуй, нигде, как на Востоке, в том числе в традиции боевых искусств, "добродетель скромности" не пользовалась наибольшим почитанием. Она всячески демонстрировалась мастерами в формах принятого этикета. Однако скромность, истинную добродетель которой клянутся никогда не забывать последователи Будо-каратэ, привлекательна не только своими внешними проявлениями. По существу, "добродетель скромности" является столь же универсальным показателем духовно-нравственной зрелости, как и "дух самоотрицания", "уважение к старшим" и "воздержание от насилия". Мы видим, как в клятве додзэ их обозначение и сопряжение позволяет охватить разные стороны и грани единой концепции совершенствования человека. Выражается она, в частности, и в том, о чем гласит следующая заповедь Будо-каратэ.

6. "Мы будем стремиться к мудрости и силе, не ведая других желаний".

Смысл заповеди наиболее полно отвечает сущности "дзэнских видов борьбы". Как известно, следование постулатам буддизма означает постепенное устранение всех желаний, которые имеют эгоистическую природу и превращают жизнь человека в страдание. То, что начертано на знамени Будо-каратэ ("стремление к мудрости и силе"), — не желание в буддистском понимании, а осознание заложенной в человеке, хотя и очень глубоко, природной потребности к духовно-нравственному совершенствованию, интуитивное стремление к выявлению своей божественной сущности. "Никто не мудр, кроме Бога", вспомним вновь древних греков. Но для человека свойственно "влечение" к мудрости. Без такого влечения боевое искусство, как Путь, теряет всякий смысл.

Занятия боевым искусством, тем более освоение силового стиля каратэ, каким является Кекусинкай, конечно же, дают человеку силу. Ранее всего воин ощущает рост силы физической, телесной. Без этого боевое искусство не отвечало бы своему прикладному назначению. Однако занятия в традиционной системе под руководством опытных наставников на Востоке преследовали обретение особой стойкости духа и той духовной силы, которая отличает подлинного мастера. Эта сила не навязывает себя окружающим, не подавляет их, но она всегда ощущается другими существами. По этой причине Мастер боевого искусства не рискует подвергнуться нападению дикого зверя и может без боя развеять агрессивные побуждения бандитов.

Вспоминается, что послушники и охранники Сергия Радонежского проходили испытание, где должны были одним взглядом отогнать медведя. Гитин Фунакоси описывает поединок, где один из окинавских мастеров, обучавший главу клана, своим пламенным взглядом надолго парализовал противника, лишив его способности даже начать бой. При повторной попытке начать схватку он окончательно лишил его сил громоподобным криком. Подобный же случай описывает и Масутацу Ояма. Вскоре после завершения горного отшельничества на улице его окружила банда. Однако одного взгляда Оямы, исполненного внутренней силы, было достаточно, чтобы бандиты разбежались.

В искусстве Будо телесная и духовная сила нераздельны. Однако сущность Будо духовна, и именно духовная сила позволяет постепенно обретать мудрость. Мудрость же подчиняет физическую силу задачам духовного роста, помогая правильно использовать как физическую, так и духовную силу воина. В этом смысл совета Оямы, как вести себя в опасных ситуациях, где сталкиваются два будто бы противоречащих друг другу требования: "Никогда не начинайте с использования каратэ" и "Всегда начинайте с использования каратэ". Первое означает, что не следует во что бы то ни стало демонстрировать внешнюю силу, которую дают занятия каратэ. В воспоминаниях основателя современного каратэ Фунакоси есть множество примеров мирного разрешения конфликтов мастерами каратэ (старый мастер с гордостью заявлял, что никто из тысяч его учеников не допустил незаконного использования каратэ). Эта способность как раз и подразумевается во втором требовании Оямы. Всегда надо использовать ту духовную мощь, которая образуется благодаря правильным занятиям каратэ. Тогда каратэ становится невидимой, но несокрушимой защитой в бескровной борьбе с менее сильным по духу противником.

Вот эта-то духовная сущность Будо-каратэ и утверждается в последней заповеди клятвы додзе.

7. "Всю нашу жизнь, через изучение каратэ, мы будем стремиться выполнить истинное предназначение пути Кекусинкай".

Из всего сказанного должно быть ясным, что "истинное предназначение пути Кекусинкай" отвечает общим целям духовно-нравственной эволюции человека". Эволюция эта осуществляется через приобщение к традиции Будо-каратэ как к носителю высокой духовности. Постигание каратэ видится как дело всей жизни, ибо это Путь, устремленный в бесконечность, а не спортивная карьера, завершающаяся на пьедестале почета. Будо-каратэ, как и любой другой путь, не дает никаких гарантий успеха. Но тот, кто ощутил его как свой Путь, будет стремиться к достижению идеалов Будо всю свою жизнь, одолевая шаг за шагом самого себя.

Немногое, что мне удалось достигнуть и осветить в комментариях к клятве додзе, — лишь указание на то сокровенное, что несут в себе заповеди Будо-каратэ. Для тех, кто избрал путь Кекусинкай (или был избран им), заповеди клятвы — это темы для повседневных размышлений о смысле бытия и о том, как и чем каратэ помогает в постижении этого смысла. Для тех, кто придерживается традиционных требований этикета додзе и ритуала, заповеди клятвы предстанут в особом обличье — как священный текст, как сутра. Проникновение в его сокровенное содержание будет сопряжено с особой духовной практикой во время сеансов дзадзэна. Произнесение заповедей в процессе медитации имеет задачей не только направить мышление в определенное русло и сконцентрировать его на ключевых идеях и понятиях Пути Кекусинкай. Это традиционная форма чисто духовной тренировки, выполняющая мантрически-молитвенную функцию. Она имеет целью посредством дыхания и звуковых вибраций гармонизовать сознание, делая его восприимчивым к тем духовным сущностям, которые скрыты за "лиственной слов". Однако, размышляя и медитируя, нельзя забывать, что слова клятвы — всего лишь вехи на пути боевого искусства. Их отвлеченно-умозрительное истолкование может застопорить сознание и стать причиной сотворения себе кумиров. К счастью, Будо-каратэ — путь самопознания через действие. Он прилагается через повседневные тренировки и экстремальные ситуации борьбы, чреватые проблесками истины. Это вселяет надежду, что вместе с ростом мастерства и духовной силы слова клятвы будут оживать, наполняясь личностным смыслом. Будо-каратэ требует искренности, одухотворенности и решимости в следовании "истинному предназначению Пути". Вспомним даосскую мудрость о том, что "искренний человек даже ложное учение может сделать истинным", и глубоко дзэнский по духу призыв автора "Хагакурэ": "Убейте богов, если они встанут на вашем пути".